

С.И. Никонова

Власть и интеллигенция: взаимодействие и (или) конфронтация (1965–1985 гг.)

Проблема взаимоотношений интеллигенции и власти относится к разряду вечных. Интеллигенция является ведущей силой современной цивилизации, в связи с этим закономерен интерес к различным аспектам взаимоотношений интеллигенции и власти в разные исторические периоды.

Отечественная интеллигенция была предметом исследования историков, социологов, культурологов, философов и других обществоведов достаточно часто. В отечественной историографии российская интеллигенция выступала как что-то особенное, нравственно высокое, наделенное неким жертвенным служением Отчизне и народу. В конце XVIII в. А. Радищев воскликнул: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена была!» Это можно воспринимать как кредо российской интеллигенции.

В течение XIX в. идет формирование российской интеллигенции как профессионального слоя, одновременно складывается особый тип духовности, ей присущий. Это сочетание чувства долга перед народом, служение ему, оппозиционность властям, четкая гражданская позиция.

Оппозиционность власти традиционно считается качественной чертой российской интеллигенции. Однако по своему социальному статусу и политическим пристрастиям интеллигенция в России не была однородной, отсюда разные цепочки отношений с властью: критика – оппозиция – противостояние; сотрудничество – охранительство – ангажированность. Сотрудничество с властью, тем более «уход в нее», воспринималось подчас как предательство высоких духовных идеалов, в то же время власть, политическая элита пополнялась из интеллигентской среды.

В советское время интеллигенция идеологически несет на себе печать некоей «второсортности», «второстепенности» после производителей материальных благ, т.е. рабочего класса и крестьянства. Однако, несмотря на попытки власти дискредитировать интеллигенцию, понятие «интеллигентный человек» ассоциировалось не только с образованным, но и порядочной, нравственной личностью.

Советские идеологи определяли для интеллигенции узкую роль исполнителя социального заказа, содержание которого диктовалось партийными установками и жесткими рамками господствующей идеологии. Интеллигенция определялась как слой образованных людей умственного труда, специалистов с высшим и средним специальным образованием,

профессионально занимающихся умственным трудом [1, с. 392]. В 1960–1970-х гг. данное социологическое определение доминировало. Согласно ему интеллигенция трактовалась как слой людей, занятых преимущественно умственным трудом. Параллельно с этим использовались понятия «специалисты», «служащие». Под термином «служащие» понимались работники, занятые стереотипными, репродуктивными видами умственного труда. В перестроечные годы «раскрепощенные» советские ученые отмечают крайне узкий умственный горизонт и повышенную технологичность интеллигенции, отсюда такие явления в ее среде, как серость, догматизм, самоуверенность, нетерпимость к инакомыслию.

Общеизвестны критические высказывания А.И. Солженицына о советской интеллигенции. Его образное определение «образованцы» стало нарицательным для обозначения людей, имеющих образование, но не обладающих духовностью, нравственностью. По определению писателя, они специалисты, а не интеллигенты. Академик Д.С. Лихачев считал, что образованность нельзя смешивать с интеллигентностью. Образованность живет старым содержанием, интеллигентность – созданием нового и осознанием старого как нового. Таким образом, умение созидать, творить – главный критерий и нравственная основа отечественной интеллигенции, ее предназначение.

Определенный интерес представляет термин «интеллигентоид», введенный зарубежными авторами, близкий по своему значению понятию «образованцы» Солженицына. В зарубежной историографии советской интеллигенции отводилась роль «обслуживающего персонала» для властных структур, взаимоотношения власти и интеллигенции рассматривались с точки зрения оппозиционности последней по отношению к власти или ангажированности ее. Иностранные авторы, анализируя процессы в советском обществе, в каком-то смысле отождествляют понятия «советская интеллигенция» и «русская классическая интеллигенция». Интеллигенция России на протяжении многих десятилетий, согласно этой логике, выполняла те функции, которые в гражданском обществе выполняют демократические институты. Это было обусловлено длительным и значительным воздействием на духовную жизнь строгой цензуры, которую осуществляли как царское, так и советское правительство. «Интеллигенция потенциально опасна режиму, несмотря на то, что давно селекционирована, при-

ручена, очищена, унижена и наделена привилегиями, чтобы славословить режим и правдоподобно рисовать живую картину советской жизни. Интеллигенция является последним опорным пунктом, последним оплотом сопротивления тоталитаризму» [2, с. 178].

В последние годы отечественная историческая наука продемонстрировала повышение интереса исследователей к истории взаимоотношений власти и интеллигенции в 1965–1985 гг., при так называемом застое. Этот интерес вызван во многом феноменом «перестройки», когда передовым отрядом выступала как раз интеллигенция, в основном интеллигенция художественная. В истории нашей страны никогда прежде призывы интеллигенции не звучали так смело, слово писателя, деятеля культуры не было таким свободным и не имело такого веса.

В перестроечные «лихие» годы был обозначен некий водораздел между «ангажированной» властью интеллигенцией и диссидентами, открыто выступавшими против режима. И только сейчас появилась возможность глубже изучить «брежневский» этап в развитии общества во всей совокупности проблем. На наш взгляд, неверно было бы представлять развитие отношений интеллигенции и власти только как борьбу, конфронтацию. Власть имела существенные рычаги влияния на все стороны жизни общества, на все его слои, в том числе и на интеллигенцию. Однако в этот период изменяются роль и место интеллигенции в обществе, возрастают ее значение и влияние, в том числе и на властные структуры. Современные российские ученые считают стереотипным мнение об извечной оппозиционности интеллигенции, так как часть интеллигенции была интегрирована с властью, взаимодействовала с ней, власть и интеллигенция были близки друг другу как родственные социальные группы, причем «многие представители одной из групп с полным основанием могли быть зачислены в другую» [3, с. 153].

Глубокие перемены в советском обществе в 1965–1985 гг. изменили социальный облик интеллигенции, характер ее взаимоотношений с властью. Интеллигенция в условиях НТР выдвигается на качественно новое место в структуре советского общества. Более того, по своей численности она приближается к рабочему классу, значительно превосходя количественный состав колхозного крестьянства. Изменяется ее роль в социальной структуре общества, в воспроизводстве ценностей во всех областях жизни и на всех уровнях, особенно в области культуры, идеологии, науки, образования.

Современные российские ученые вносят коррективы в прежние определения интеллигенции, дают новые дефиниции. «На деле то, что называли интеллигенцией в официальных партийных и государственных документах, представляло собой *конгломерат разнородных в социальном плане слоев общества*

[4, с. 119]. Действительно, советская статистика и социология включали в состав интеллигенции такие разные и по уровню доходов, и по властным функциям, и по образовательному уровню группы населения, как управленческий корпус, среднеквалифицированные специалисты и малоквалифицированные работники, выполняющие несложные функции умственного труда.

Духовное производство, как и духовная жизнь в целом, все более усложняется. Усложнение требует высокого уровня профессионализма, специализации, происходит возрастание роли интеллигенции как производителя духовных и материальных ценностей.

Власть же по-прежнему выделяет в качестве главной функции интеллигенции идеологическую, при исполнении которой интеллигенция должна выступать в первую очередь «воспроизводителем и распространителем марксистско-ленинской идеологии» [5, с. 233]. Сложившееся противоречие особенно обостряется в последние десятилетия советской власти.

Однако оппозиционность части интеллигенции продолжает оставаться реальностью для рассматриваемого периода. Оппозиция, в большинстве случаев духовная, представлена инакомыслящими, в разных формах проявляющими свое несогласие со сложившимися догмами и стереотипами, и немногочисленными диссидентами, открыто протестующими против всей советской системы либо против отдельных проявлений советской внутренней либо внешней политики. Точных статистических данных о социальном составе диссидентского течения нет. Однако при анализе материалов (документы судебных процессов, материалы КГБ, личные документы диссидентов и др.) можно определить в качестве социальной базы оппозиции именно интеллигенцию. А.И. Лушин отмечал, что правозащитное движение опиралось главным образом на научных работников и творческую интеллигенцию [6, с. 90]. П. Вайль и А. Генис со свойственной им иронией замечают: «Дворников что-то не видно было среди диссидентов, во всяком случае, никто о них не знал. Да и не очень-то их принимали. Инакомыслящие убедились, что и советские власти, и западные радиостанции интересуются “профессорами” и реагируют только на них» [7, с. 183]. В ряду известных диссидентов можно выделить, пожалуй, только Анатолия Марченко, который ни по образованию, ни по профессиональной принадлежности не был представителем интеллигенции.

Отношение к диссидентам в обществе было скорее негативным, что в немалой степени объясняется пропагандистской кампанией против самых известных диссидентов в средствах массовой информации. Общество доверяло официальной пропаганде и сообщениям в прессе, в которых диссиденты представлялись отщепенцами, агентами ЦРУ, антисоветчиками. Распространено было мнение о душевных заболева-

ниях диссидентов, особенно после включения психиатрии в арсенал средств подавления инакомыслия в стране.

В массе своей советские люди и не знали, кто такие диссиденты. Ловко подобранное иностранное слово создавало впечатление о связанности лиц, которых так называют, с чем-то враждебным: с происками западных спецслужб, с НАТО и ЦРУ, с чем-то, угрожающим советскому строю. К диссидентам относили людей, несогласных с генеральной линией ЦК КПСС, политикой советского государства, официальной партийно-государственной идеологией, с общепринятой в советском обществе моралью, эстетическими нормами в сфере художественного творчества и т.п. Причем непринятие даже отдельных норм существующих порядков было признано диссидентством. Синонимами понятия «диссидент» были понятия «инакомыслящий», «свободомыслящий». Сами известные диссиденты по-разному относились к этому определению, возможно, потому, что в советских средствах массовой пропаганды он звучал, как правило, в значении «отщепенец», «предатель Родины» и почти «враг народа».

В последние десятилетия существования СССР интеллигенция становится перед неким нравственным выбором: поддерживать агонию обреченного режима или способствовать его падению. По мнению многих мемуаристов (порой весьма высокого ранга), «душность» атмосферы в стране достигла максимума. Это понимали и об этом говорили не только на кухнях, но в тиши самых высоких кабинетов, конечно, в узком кругу посвященных.

Однако идентифицировать всю интеллигенцию как духовно оппозиционную режиму было бы неверным. Огромная масса российской интеллигенции была политически индифферентна. Кроме того, в «прослойку» интеллигенции входили руководители разного уровня, партийные и государственные функционеры, идеологические работники, представители карательных органов.

Придя к власти, брежневская команда вначале демонстрировала свое лояльное отношение к интеллигенции, признавая ее важную роль в формировании морально-психологического климата в стране. Появились публикации в партийных изданиях, отражающие стремление морально реабилитировать деятелей литературы и искусства, попавших в «опалу» при Хрущеве. В журнале «Коммунист» опубликована статья А. Михайлова [8, с. 74–85], в которой упоминались имена писателя В. Аксенова, поэта А. Вознесенского, кинорежиссера С. Параджанова, художников Г. Мосина, М. Брусиловского и других в примирительном тоне. В научной области была снята угроза роспуска Академии наук СССР, реабилитирована генетика, покончено с дутым авторитетом Т. Лысенко, поставлен вопрос о научно-технической революции.

Однако скоро творческая и научная интеллигенция ощутила поворот к неосталинизму. Так, писатели столкнулись с распространявшейся практикой отказа в издании уже принятых редакциями и даже набранных в типографии произведений. В эти годы были написаны, но оказались неизданными в стране произведения А. Солженицына, А. Бека, А. Рыбакова, Г. Владимова, Н. Коржавина и других авторов. Издание литературных трудов за границей или самодельным образом (так называемый *тамиздат* и *самиздат*) влекло за собой серьезные последствия вплоть до судебного приговора.

Репрессивные меры применялись не только к авторам художественных произведений, но и к ученым-обществоведам. Сведения исторического характера в России всегда рассматривались как социально важные. Поэтому в разное время подлежали запрету те или иные проблемы, факты, личности, целые исторические периоды. Историческая наука стала первой жертвой неосталинизма. Жесткому прессингу и репрессиям подверглись историки А. Некрич, Р. Медведев, П. Волобуев и другие.

Перед политологами, обществоведами, пропагандистами, перед гуманитарными науками в 1965–1985 гг. стояли новые и весьма трудные задачи. Старые формы и методы пропаганды, действовавшие на безграмотное крестьянство и рабочий класс, явно отжили свое. На смену шло поколение образованных людей, многочисленный средний класс. Революционная агитация, реклама и пропаганда, да и сама идеология должны были стать более глубокими, многомерными, изощренными, подходящими возросшим требованиям масс, которые уже перестали быть массами в строгом смысле слова.

В новых условиях перед гуманитарной интеллигенцией стояла задача творческая: нужен был новый стиль, новый образ жизни, новая поэзия, живопись, новая архитектура, новый театр, новое кино, новая музыка. Все это могло стать основой для демократизации общества, для коррекции идеологической парадигмы социализма, усиления социал-демократической составляющей марксизма-ленинизма. Однако любая коррекция в области идеологии в тоталитарном обществе невозможна, так как идеология является его основой, своеобразным материковым шельфом, невидимой частью, на которой держится вся конструкция. В этом ракурсе все потенции интеллигенции не имели смысла, любое новое явление в гуманитарной области (искусство, культура, образ мыслей и стиль жизни) потенциально являлось угрозой системе или же представлялось таковой.

Поиск выхода из идеологического тупика в большей степени занимал и представителей духовной оппозиции, которые по-своему трактовали постулаты марксистско-ленинской теории (естественно, в изданиях зарубежных или самиздате). Одни (например

Рой Медведев) призывали избавиться от сталинских деформаций социализма, добиваться демократизации советской системы. Другие отстаивали тезис о несостоятельности марксистско-ленинской теории, о ее обреченности. Так, А.И. Солженицын отмечает: «Марксизм не только не точен, не только не наука, не только не предсказал ни единого события в цифрах, количествах, темпах или местах, ...но поражает марксизм своей экономико-механической грубостью в попытках объяснить тончайшее человеческое существо и еще более сложное миллионное сочетание людей – общество» [9, с. 37].

И. Шафаревич, теоретик диссидентства, представляет свои взгляды как идеологию национально-православного движения в книгах, изданных за рубежом: «Русофобия», «Социализм в мировой истории», «Есть ли у России будущее?». И. Шафаревич достаточно откровенно высказывается в интервью западному журналисту в мае 1978 г. На вопрос, к какой общественной и политической альтернативе нынешней системы он склоняется, он ответил: «Что нам нужно – это максимум духовных изменений при минимуме изменений внешних... Нужен возврат к Богу, к своему народу, ощущение общенациональных целей и чувство ответственности перед историей и будущим своей страны» [10, с. 88–89].

Теоретики диссидентства, по существу, так и не смогли сформулировать национальную идею, поиск которой беспокоил не только инакомыслящих, но и «вменяемых» идеологических лидеров страны. Как в XIX в. русские либералы разделились на «западников» и «славянофилов», так и в 1965–1985 гг. спор «западников», «демократов» и «почвенников», «руссофобов» закончился, по словам А.В. Шубина, «вничью». Более того, и те и другие понимали, что адресуют свои работы не к интеллигенции «вообще», а непосредственно к правящей элите страны, которая и должна выбрать направление реформ: западный («демократический», «либеральный») или консервативно-державный [11, с. 221].

Советские идеологи в этот период разрабатывали теорию развитого социализма, пытались реанимировать социалистическую идею, хоть в малой степени адаптировать марксизм-ленинизм к реалиям времени. Концепция развитого или зрелого социализма получает распространение в 1965–1985 гг. Тем самым идеологически был отмечен водораздел между эпохами Хрущева и Брежнева. Среди множества расплывчатых формулировок можно выделить следующее определение: «Развитой социализм есть новый, более высокий этап первой фазы коммунизма, когда новое зрелое общество на своей собственной основе начинает всесторонне раскрывать все свои преимущества и огромные неисчерпаемые возможности и комплексно решать задачи коммунистического строительства. Дальнейшее поступательное движение развитого

социализма, следовательно, закономерно ведет к постепенному переходу к высшей фазе коммунизма» [12, с. 10].

Основой официальной идеологии оставался марксизм-ленинизм, априори считавшийся не только самым передовым учением, но и единственно верным. Однако эта теория подвергала анализу закономерности развития общества на рубеже XIX–XX вв., с тех времен исторический прогресс привел человечество к совершенно новым условиям, отсюда неминуемое устаревание многих аспектов этого учения. Ведущие идеологи страны, ее политические лидеры так и не смогли корректно «поправить» марксизм-ленинизм, приспособить его постулаты к новым реалиям. Более того, власть была уверена в незыблемости официальной идеологии и недооценила кризис советского общества, в большей степени связанный как раз с идеологической сферой.

Главная особенность социально-психологической ситуации в 1965–1985 гг. – отсутствие единомыслия и всенародного одобрения внутренней и внешней политики партии и государства. Достаточно новым явлением в общественной жизни советского общества стали «кампании подписантов»: составление и сбор подписей против произвола властей, в защиту правозащитников, в которых участвовали известные люди, деятели науки, культуры, искусства. Так, проходили петиционные кампании в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля, Ю. Галанскова и Ю. Гинзбурга, против травли А. Сахарова и А. Солженицына.

Властью предпринимались попытки воздействовать на подписантов через трудовые коллективы, творческие организации, «профилактирование», доверительные беседы. Эти меры имели некоторый эффект, и число подписантов сокращалось, а в 1970-е гг. практически исчезла практика открытых писем в адрес партийных и государственных органов в знак протеста против внутренней и внешней политики государства. Однако скрытая оппозиция сохранялась, проявляясь в иных формах.

Идеологическое единообразие советского общества на поверку оказалось только мифом. Разнообразие мнений, мировоззрений открыто проявлялось в 1965–1985 гг. среди разных слоев населения, в том числе и в среде интеллигенции. Недовольство всей системой, всем существующим политическим порядком было уделом весьма немногих, однако инакомыслящих в стране было немало, что в целом свидетельствует не только о системном кризисе, но и усложнившейся социальной структуре советского общества.

Глубокие перемены в советском обществе в рассматриваемый период изменили и социальный облик интеллигенции, характер ее взаимоотношений с властью. Интеллигенция теперь дифференцирована на многочисленные страты: инженеры, административно-управленческий аппарат, научная, твор-

ческая интеллигенция, преподаватели, политическая элита, которые в большей или меньшей степени были сориентированы на власть. Таким образом, интеллигенция и власть были заинтересованы в тесном сотрудничестве, взаимодействии.

Особо можно выделить отношения власти и художественной интеллигенции. Властные структуры признавали, что руководство духовной, культурной жизнью – дело непростое, требующее такта, понимания природы творчества и непременно любви к литературе и искусству, уважения к таланту.

В реальности партия в своих декларациях дифференцирует деятелей искусства на «белых» и «черных», одни преданы режиму, другие пытаются его очернить, занимаются критиканством. Иногда даже намек, ссылка на то или иное произведение искусства или автора вызывали серьезные трудности в творчестве, публикациях, выставках, концертах. Деятели культуры и искусства оказывались заложниками системы, которая взяла на себя не только руководство творческим процессом, но и обеспечение материальных благ людей искусства. Обеспечивая материальное благополучие, политическая система требовала отдачи в виде произведений, «достойных величия новаторских дел партии и народа, правдиво, на высоком художественном уровне отображающих жизнь советских людей в ее многогранности и развитии». Более того, критика и сами творцы должны быть нетерпимы к проявлениям «безыдейности, парадного многописания, мелкого бытокопательства, конъюктурщины и делячества». Руководствуясь этими указаниями, можно было подвергнуть критике и обструкции любое произведение искусства.

В советский период в России удалось воспитать в полном смысле слова советскую интеллигенцию, лояльную к власти. Следует признать, что значительная, если не большая часть художественной интеллигенции приняла или вынуждена была принять идеологические параметры творчества, определенные правила игры. Абсолютное большинство представителей литературы и искусства следовало им в официальном порядке. Возможно, что в разговорах «на кухне», в узком кругу друзей идеологический диктат партии обсуждался и осуждался. В определенных кругах интеллигенции это было некоей модой – обсуждать и осуждать политику партии и правительства: «Что может быть увлекательнее, чем в компании остроумных подвыпивших друзей ругать советскую власть» [7, с. 180].

Официальные партийно-государственные документы констатировали, что «нет такой страны в мире, где бы творческая деятельность человека имела столько пространства, сколько у нас», что «советское государство поощряет творческое соревнование мастеров искусства», что «только в соревновании различных творческих направлений раскрывается богатство стиля» соцреализма. В то же время были

четко очерчены границы свободы для художественной интеллигенции, на которую были возложены функции интерпретации партийных решений, с этой позиции советский деятель искусства – это «совершенно новый тип художника-гражданина, бойца передовой линии идеологического фронта, активного строителя коммунистического общества». Его творчество свободно только в том случае, если для него «характерны глубокая жизненность, бодрость, твердая уверенность в будущем».

Художник должен создавать произведения, отражающие и утверждающие социалистическую действительность, создавать образы великих людей современности, передовых строителей коммунизма, высокоидейные произведения.

Идеологи марксизма-ленинизма выдвигали в качестве главной цели художественного творчества воспитание нового человека. Более того, по их мнению, во все времена художник стремился воздействовать на общественную жизнь, влиять на формирование сознания, идеалов людей. В социалистическом обществе это воздействие направлено на воспитание трудящихся в духе социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма. Отсюда главное: место и значение художника в жизни общества определяет не только его талант, а тесная связь с практической деятельностью партии по идейному, нравственному воспитанию нового человека – строителя коммунизма.

М.А. Шолохов в своей Нобелевской речи говорил о том же, о неразрывности социалистического искусства с обогащением духовной культуры человека, о том, что искусство несет в себе идею обновления жизни, переделку ее на благо человека. Оно выражает мировоззрение, которое отрицает как созерцательность, так и уход от действительности и зовет к борьбе за прогресс человечества.

Однако преобразование общества, а тем более человека, не является задачей культуры и искусства. Главное их предназначение, по нашему мнению, смягчение нравов, «облагораживание человеческой природы», главная цель – обращение к душе, к сущности человека, не столько к разуму, сколько к чувствам, ощущениям.

Воспитание нового человека – непосильная задача для искусства, отсюда обреченность большого социологического и психологического эксперимента по созданию нового духовного облика человека, закончившегося полным крахом после разрушения социалистической системы.

Период 1960–1980-х гг. для художественной интеллигенции был связан прежде всего с осознанием необходимости свободы творчества и необходимостью преодоления своего страха перед властью, перед партийно-государственной системой.

Свобода творчества – это, по нашему мнению, только часть свободы личности. Ограничивая творче-

скую свободу художественной интеллигенции, власть тем самым очеркивала рамки свободы и для каждой личности, и для общества в целом: ведь художник является частью народа.

Весьма сложной и даже деликатной частью проблемы свободы личности является внутренняя свобода, не только художника, но и любого человека. Выделяя творческих людей в отдельную группу лиц, наиболее чутко воспринимающих ограничение свободы, надо учитывать, что отсутствие или недостаток свободы присутствовали в жизни всего общества, но, возможно, не все люди это осознавали, чувствовали.

Творческая свобода – это отнюдь не свобода выступать против советской системы, это духовная независимость от любых форм давления идеологических и художественных догм, ортодоксальных или авангардных, с одной стороны, и отражение реальной, а не надуманной жизни – с другой.

Система ограничивала свободу творчества, в том числе и угрозой насилия и репрессий. Несмотря на происшедшие перемены, страх в сознании деятелей искусства, да и других советских людей, оставался, в них жил «внутренний цензор», который постоянно контролировал творческий процесс. Власть время от времени напоминала интеллигенции о границах свободы: судебные процессы писателей, обличительные статьи в прессе, общественное порицание, наблюдение соответствующих органов не давали почувствовать, ощутить в полной мере независимость в своем творчестве.

В этих условиях творческие люди, сохранившие внутреннюю свободу, пытались использовать обходные пути для реализации своего творческого кредо: применяли иносказания, метафоры, переносили действие в «капиталистический мир наживы» и т.д.

В 1965–1985 гг. рамки дозволенного постепенно расширялись. Творческие люди теперь, казалось, могут выступать от собственного лица, иметь свою творческую позицию, выбор из множества разных путей в искусстве. Однако и сейчас необходимо было все же не выйти за рамки, установленные системой, идти в общем потоке, выполняя намеченные властью задачи.

Здесь можно отметить некую двойственность, нелогичность декларированных с высоких трибун принципов советского искусства, свободного в проявлении творческого порыва и отдельные судьбы деятелей культуры, не вписавшихся в систему. В условиях идеологического противостояния двух систем партийные идеологи неизменно отмечали преимущества, которые есть у советских людей, в том числе и у творческой интеллигенции в сравнении с западными реалиями. «Трагична судьба тех деятелей искусства, которые «не вписываются» в идеологические установки, ценностные ориентации владельцев театров и киностудий, художественных мастерских

и музеев и т.д.», – говорится в статье, посвященной судьбе творческой личности в капиталистическом обществе [13, с. 31]. Действительно, «духовная» продукция на Западе не находит спроса в том числе и по идеологическим причинам – эта черта общая при любой политической системе. Однако советские обществоведы по понятным причинам не договаривали, что в нашей стране вместо «владельцев театров и киностудий, художественных мастерских, музеев» выступает другой «хозяин» – идеологическая система, государство – которые являются и заказчиками, и продюсерами творческого процесса. По нашему мнению, в этом случае жизненно необходимо адаптироваться к правилам жизни и условиям творчества в социалистическом обществе, «вписаться» в систему, которая четко расставляет ориентиры, в которых должен творить художник.

Признавая факт существования идеологического прессинга в стране, можно отметить, что это не только не останавливало, а напротив, усиливало творческие потенции деятелей культуры, которые создавали произведения, иносказательно и порой в весьма сложной форме выражающие несогласие с официальной идеологией и культурной политикой партии. Даже попытка возрождения жесткой системы партийного контроля на рубеже 1960–1970-х гг. не смогла помешать интенсивности культурной жизни, которая сочетала в себе разнообразные слои и направления.

Разнообразие культурных направлений, форм и методов художественного творчества свидетельствует и о возрастающих духовных потребностях советских людей. Более высокий уровень образования, возрастающий культурный уровень, дифференциация советского общества, безусловно, влекли за собой и повышение спроса на «культурную продукцию», приводили к дефициту пользующейся спросом литературы, билетов на значимые спектакли и концерты, и как следствие – к развитию подпольного рынка книг, грампластинок, спекуляции театральными билетами.

Партийно-государственная политика в отношении культуры в исследуемый период сохраняла преемственность от предыдущих десятилетий советской власти. Главным ее содержанием оставалось руководство и контроль над художественной жизнью страны, сохранение цензурных и идеологических рамок, развитие в рамках единого метода, получившего название еще при Сталине – социалистический реализм. Власть не идет на уступки в процессе удовлетворения культурных потребностей общества, напротив, наказания и репрессии обрушиваются на тех творческих деятелей, которые пытаются использовать новые формы и методы в своем творчестве. Жажда свободы творчества воспринимается властью как оппозиция, диссидентство, позволяет использовать по отношению к деятелям искусства серьезные наказания. Творческая неудовлетворенность, ограничения творческой

свободы приводит деятелей культуры в том числе и к эмиграции, которая для большинства означает творческую смерть.

Главное противоречие этого времени – отнюдь не в противостоянии официального и нелегального искусства, как считали диссиденты. Это противоречие между усложнившимися и возросшими духовными потребностями советских людей и ортодоксальной системой производства «культурной продукции». Огромные тиражи издаваемой литературы, переполненные полки книжных магазинов и подпольный книжный рынок, стойкий дефицит литературной продукции, спекуляция, существование «книжной» торговой мафии. Значительное число театров с полупустыми залами и ночные очереди за билетами популярных театральных коллективов и эстрадных исполнителей

Так, в области изобразительного искусства складывается следующее противоречие. С одной стороны, официальное, лакированное искусство соцреализма, помпезные выставки членов Союза художников. С другой – невозможность принять участие в официальных выставках молодым художникам-нонконформистам. И в итоге неофициальная выставка прямо под открытым небом, разнесенная бульдозерами, «квартирные» выставки, с которыми власти пытаются бороться в том числе путем отключения света во всем доме; выставки советского авангарда за границей. В 1970-е гг. можно говорить об эмиграции картин и самих художников. Схожие проблемы в области литературы, музыки, театрального и киноискусства.

Власть не может наполнить потребительский рынок качественным «культурным продуктом», советское официальное искусство не в силах удовлетворить возрастающие потребности общества в духовной сфере. Государство направляет значительные средства на производство книгопечатной продукции, которую не покупают и не читают, на создание кинофильмов, на которые зритель не идет, на постановку «идеологически верных», но скучных и потому никому ненужных спектаклей. Кроме экономических убытков (к которым можно отнести в том числе процветание «черного рынка» книг, пластинок, театральных билетов), власть терпит и идеологическое поражение. В сознании массового потребителя откладывается стереотип: интересно и модно то, что официально порицается, что появляется со скандалом. Не справляясь с удовлетворением духовных потребностей советского общества, власть может только пресекать, запрещать, используя весь арсенал репрессивных мер и по отношению к производителю, т.е. художественной интеллигенции, и по отношению к потребителю (разгон концертов рок-музыкантов, «профилактирование» посетителей квартирных выставок и подпольных концертов). Все шире пропасть между официальной идеологией с ее демагогией, ортодоксальными сентенциями, ее адептами, среди которых и деятели культуры, и остальным

обществом, вынужденным жить с ощущением вечного дефицита самого необходимого, в том числе и дефицита «культурного продукта».

Постепенно при эрозионных процессах в области идеологии сфера культуры все больше не соответствует традиционной идеологической парадигме советского общества, именно здесь сосредоточены новации в духовной сфере, получившие распространение во время «перестройки». В период социального транзита второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. авангардом реформации в СССР станет художественная интеллигенция, которую политическая элита использовала в том числе в качестве разрушителя советской идеологии, той основы, константы, на которой было построено советское государство и советское общество.

Таким образом, интеллигенция и власть в 1965–1985 гг. были в состоянии коадаптации. Вместе с тем, в среде интеллигенции зарождается духовная оппозиция, представленная и диссидентами, и инакомыслящими. Гуманитарная интеллигенция (к ней, по нашему мнению, можно отнести и художественную интеллигенцию) находится в поиске выхода из идеологического тупика. Советская идеологическая система не приемлет коррекции, обновления, не отступает ни на шаг от системы сложившихся стереотипов и догм марксизма-ленинизма и в конце концов терпит крах, гибнет.

Художественная интеллигенция также находится в мучительном поиске новых форм самовыражения, новых методов творчества, обрекая себя на репрессии со стороны государства. Однако творческие потенции советских писателей, художников, кино- и театральных деятелей, музыкантов в условиях идеократического государства находят воплощение в ярких произведениях советского искусства, создании новых направлений, творческих методов и приемов художественного творчества. Воспринимая и впитывая новое, передовое, современное искусство советское общество духовно, внутренне готовилось принять и новое в мировоззрении, идеологии, национальной идее.

Таким образом, взаимоотношения власти и интеллигенции в последние десятилетия советской власти были весьма сложными и многогранными. Интеллигенция была неоднородна по своей структуре, мировоззренческим установкам, дифференцирована на группы, различные по уровню доходов, быта, взглядов, потенциалов, возможностей самовыражения. В современной науке не сложилась единая концепция интеллигенции, известны различные дефиниции понятия «интеллигенция», ее функций, места в современном российском обществе. Интеллигенция подчас наделяется некими элитарными чертами, определяется традиционно как оппозиция власти. Вместе с тем интеллигенцию можно считать маргинальной частью общества как по своему происхождению, так и по

социальному статусу. Можно определить интеллигенцию и как лидера общественного прогресса. Так, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. интеллигенция оказалась катализатором революционных по своей сути процессов, а демократы 1980–1990-х гг. объединяли интеллектуальный цвет гуманитарной интеллигенции, причем не только в центре, но и в регионах.

Проблема взаимоотношений современной российской интеллигенции и современной российской власти находится в стадии разработки. Плодотворный поиск решения возможен при объединенных усилиях ученых разных гуманитарных направлений, в том числе и историков, при использовании всего потенциала современной исторической науки.

Библиографический список

1. Руткевич, М.Н. Социология в СССР / М.Н. Руткевич, В.С. Семенов. – М., 1966. – Т. 1.
2. Морен, Э. О природе СССР. Тоталитарный комплекс и новая империя / Э. Морен. – М., 1992.
3. Данилов, А.А. Современная советология о роли интеллигенции (1985–1992 гг.) / А.А. Данилов. – Иваново, 1993.
4. Руткевич, М.Н. Социальная структура / М.Н. Руткевич. – М., 2004.
5. Синявский, А.С. Социальная основа СССР / А.С. Синявский. – М., 1987.
6. Лушин, А.И. Власть и правозащитное движение в СССР (Историко-правовой аспект) / А.И. Лушин. – Саранск, 2002.
7. Вайль, П. 60-е. Мир советского человека / П. Вайль, А. Генис. – М., 1998.
8. Коммунист. – 1965. – №15.
9. Солженицын, А.И. Письмо вождям Советского Союза / А.И. Солженицын. – Париж, 1974.
10. Шафаревич, И.Р. Сочинения / И.Р. Шафаревич. – М., 1994. – Т. 2.
11. Шубин, А.В. Истоки перестройки. 1978–1984 / А.В. Шубин. – М., 1997.
12. Духовный мир развитого социалистического общества. – М., 1977.
13. Духовная жизнь развитого социалистического общества. – Л., 1985.